

проблемы наук об информации» / А. В. Соколов. – Москва : ИНИОН РАН, 24 апреля 2014 г.

7. Чусов, А. В. Об антропологических аспектах информационного мира : доклад на семинаре им. В. С. Стёпина “Познание, наука, человек” (Институт философии РАН, 16 сентября 2025 г.) [видеозапись]. Опубликовано 15 октября 2025 г. – URL: <https://iphras.ru/page24366988.htm>. (дата обращения: 13.02.2026).

8. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер. – Время и бытие : статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибахина. – М. : Республика. – 1993. – С. 221–238.

9. Simondon, G. On Techno-Aesthetics / trans. Arne De Boever / G. Simondon // *Parrhesia*. – 2012. – No. 14. – С. 1–8.

10. Feenberg, A. Critical Theory of Technology / A. Feenberg. – New York : Oxford University Press. – 1991. – 235 с.

ФИЛОСОФСКАЯ МОДЕЛЬ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ ИСТИННОСТИ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

О. И. Уткевич

Предварительно необходимо отметить, что сам термин «модель» используется в философии в основном в гносеологическом смысле. В отечественной литературе наиболее точное определение данного термина было дано В. А. Штоффом: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [1, с. 19]. Однако модели используются не только как инструмент познания действительности, но и как средство оценки результатов данного процесса. Безусловно, истинность научного знания проверяется в первую очередь при его применении на практике, вместе с тем одним из эффективных способов проверки являются и философские модели, причем с их помощью происходит оценка не только отдельных научных теорий и законов, но и всей научной картины мира в целом.

Всякая модель строится с помощью различных приемов и способов. Умозрительную модель, построенную на основе философских знаний, можно назвать философской моделью. Важно понимать, что в силу своего абстрактно-логического статуса такая модель и служит средством оценки именно научной картины мира как всеобщего гносеологического феномена. Дело в том, что научная картина мира является неким целостным представлением об общих принципах и законах устройства мироздания, которая построена на научных законах, принципах и эмпирических результатах. Научная картина мира, как известно, имеет много общих черт с философскими моделями, однако она не совпадает с

ними. Например, в истории космологических представлений это видно особенно ярко. Геоцентрическая система Аристотеля и Птолемея была не просто попыткой описать движение светил – она была органичной частью целостной картины мира. Земля помещалась в центр Вселенной не столько из-за астрономических наблюдений, сколько из-за метафизических убеждений об особом месте человека в мироздании. Таким образом, эта модель в первую очередь отвечала на вопрос «почему» и соответствовала общим умозрительным принципам. Напротив, гелиоцентрическая модель, получившая силу научной теории благодаря Копернику, Кеплеру и Галилею, произвела радикальный сдвиг. Солнце оказалось в центре, потому что такое предположение позволяло проще и точнее описать траектории планет. Научная картина мира здесь отделилась от философско-религиозных оснований, сместив фокус с вопроса «почему» на «как», и потребовала проверки наблюдением и расчетом. Философские модели ставят вопросы и предлагают решения на основе логики, метафизики или даже этики и эстетики. Научная картина мира, возникнув из этого контекста, затем как бы отделяется, наполняя старые понятия новым, конкретным, эмпирически проверяемым содержанием. Она сознательно ограничивает свою область, избегая предположений там, где нет возможности для проверки, и в этом ключевое отличие. Философия дает возможные миры, а наука строит рабочую версию единственно существующего мира.

Философские модели служат не только основанием, но и средством интерпретации полученного знания. В качестве инструмента верификации они становятся заключительным этапом построения картины мира. На этом оценочном этапе научная теория также может проверяться с помощью других моделей, например, математических, ведь философские интерпретации могут иметь неоднозначный характер в силу гносеологического разнообразия самого философского знания, т. е. существования разнообразных философских систем. Таким образом, возникает практическая необходимость выбора системы, в рамках которой оценка результатов научной картины мира будет наиболее плодотворной. Данный выбор носит в том числе мировоззренческий характер, соответственно, применение общеполитической модели к процессу оценки картины мира включает в себя две различные гносеологические ситуации. Во-первых, решение определенного круга проблем может произойти в результате философской оценки различного рода экспериментальной проверки, а, во-вторых, некоторая задача может быть решена чисто теоретическим путем, включающим в себя и метод философского моделирования. В первом случае это позволяет получить только лишь знания о конкретных явлениях и процессах. Во втором же случае происходит в основном оценка не только конкретных результатов исследования, но и всей научной картины мира в целом.

Философские модели представляют собой наиболее общий вид моделей, однако для проверки истинности научного знания их можно трансформировать путем понижения степени общности. Такое действие, безусловно, не означает изменения их статуса. Ведь философская модель оказывается связанной не просто с научной картиной мира, но и с ее частными вариантами. В отличие от естественнонаучного эксперимента, который является эмпирической процедурой, философский метод познания опирается на мысленные эксперименты и концептуальный анализ. Это дает возможность получить знания о тех частных областях действительности, которые не могут быть получены чисто эмпирическим способом.

Проверка научных знаний с помощью философских моделей представляет собой сложную задачу, и эта сложность во многом определяется требованием структурного соответствия, или изоморфности, между философской моделью и эмпирической основой науки. Чтобы философская модель могла служить эффективным инструментом для оценки научного знания, она должна быть, по возможности, изоморфна как эмпирическому базису науки, включающему данные наблюдений и экспериментов, так и общей научной картине мира, которая на этом базисе выстраивается. Если же философская модель не обладает такой изоморфностью, ее применение становится крайне затруднительным, поскольку модель теряет способность адекватно отражать и интерпретировать научное знание. На практике ученый часто имеет дело с приблизительными экспериментальными данными, и в такой ситуации сам метод философского моделирования неизбежно приобретает приблизительный характер, не предлагая точных или однозначных ответов, а скорее задавая интерпретационные рамки или качественные оценки. Таким образом, метод философского моделирования нельзя рассматривать как алгоритм для вынесения однозначного вердикта, поскольку оценка истинности в науке – это сложный, многофакторный и не всегда однозначный процесс. В этом контексте философская модель выступает лишь в качестве эвристического инструмента – способа осмысления, интерпретации и критического анализа научного знания в широком концептуальном контексте.

В цифровую эпоху, когда новая научная картина мира формируется под влиянием сложных вычислений, больших данных и искусственного интеллекта, метод философского моделирования сталкивается с новыми вызовами. Эмпирический базис науки теперь включает в себя не только данные экспериментов, но и результаты симуляций, различные сгенерированные модели. Это означает, что требование изоморфности философской модели теперь должно учитывать не только соответствие «миру природы», но и соответствие «миру данных». В такой ситуации философская модель рискует стать либо излишне абстрактной, либо,

напротив, чрезмерно привязанной к текущим технологическим платформам. Однако именно здесь ее роль может оказаться незаменимой: философское моделирование способно ставить вопросы о статусе цифровых объектов, об эпистемологических границах «возможных миров». Таким образом, в цифровую эпоху философская модель становится важнейшим инструментом для осмысления условий, при которых знания могут претендовать на адекватность, помогая удерживать в поле зрения ту принципиальную разницу, которая существует между симуляцией и пониманием.

Литература и источники

1. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – Москва : Наука, 1966. – 301 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОИННОВАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ ОДЕЖДЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. Н. Фомина

В современном мире моды национальный стиль переживает период активного переосмысления, становясь не просто источником вдохновения, а полноценным языком социокультурного диалога. Ведущие дизайнеры XXI века обращаются к этническим мотивам как к мощному инструменту создания узнаваемого авторского почерка, одновременно решая задачи сохранения культурного наследия и его адаптации к глобальному fashion-контексту. При этом каждая интерпретация инновации в этнокультурном стиле отражает не только эстетические предпочтения дизайнера, но и его философское понимание традиции в современном мире.

Интересным феноменом в индустрии моды последних лет стало инновационное исследование дизайнеров-этнографов, которые сочетают профессиональное образование в области fashion-дизайна с глубокими отраслевыми исследованиями. В процессе подготовки будущих дизайнеров одежды в Республике Беларусь важное значение имеет теоретическое изучение и выполняемые на практических занятиях задания с так называемым национальным белорусским кодом, который превращает традиционные концепции пробных студенческих проектов в радикально новую эстетику современной одежды. Культурные коды – это интерпретация и использование традиционной символики, особый силуэт и крой одежды, аксессуары и обувь, региональная цветовая палитра, текстиль и другие бытовые предметы, отражающие историю и обычаи народа. Этнический стиль используется в современной моде, перенося традиции в современные реалии. Автор данной статьи считает, что в